К 40-летию Победы

Н. КОЛЕСНИКОВ

РЕЙД

МАЛЕНЬКАЯ ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Разрешение есть

ПЕРВОЙ профессией Николая Александровича Колеснико. ва была профессия офицера артиллерии. С ней бывший выпускник школы № 112 прошел всю войну и вернулся домой с победой. Более тридцати лет проработал он на Алтайском тракторном заводе. Теперь он на пенсии.

40 лет минуло, как закончилась война. Но часто перед глазами фронтовика встают картины прошлого. О пережитом на войне, о людях войны — маленькая документальная повесть - воспоминание Н. А. Колесникова.

ПОСЛЕ двух суток непрерывных боев мне, наконец-то, удалось выкроить время и уснуть. Но сон был недолгим. Меня разбудил мой ординарец Коля.

— Товарищ комбат, — сказал он, — вас вызывают командир полка и начальник артиллерии. Там разведчики «языка» притащили.

Я встал, посмотрел на часы: с того времени, как я уснул, прошло два часа. Приближался вечер, смеркалось. Поняв, что спать больше в эту ночь не придется, я попросил Колю принести воды, чтобы умыться. Пока Коля ходил за водой, я еще осмотрел поле боя.

Линия фронта проходила через деревню и делила ее пополам. Траншея, где я спал, находилась всего в ста метрах от нее, и было ясно слышно, как идет перестрелка. Дома почти все были разрушены. Недалеко от нас горел дом. На немецкой стороне тоже полыхали пожары. На нейтральной земле догорали два немецких танка.

Пришел мой ординарец, принес воды из бани, возле которой была наша траншея. Набрав в ковш воды и вылив себе на голову, я почувствовал себя бодрее и вместе с ординарцем пошел на командный пункт батальона, который находился в подвале разбитого дома.

Навстречу мне вышел начальник штаба батальона, осунувшийся, с воспаленными от бессонницы глазами.

— Ну, удалось выспаться? — спросил он.

— Да, немного, — ответил я.

— Пойду и я вздремну, пока пленного допрашивают.

В подвале горела сделанная из гильзы коптилка. В ее тусклом свете я увидел склонившегося над столом командира полка майора Уварова и начальника артиллерии майора Волынского. Здесь были комиссар батальона старший лейтенант Викторчик — он заменил раненого комиссара полка, и командир взвода разведки. Связисты, выкрикивая позывные, проверяли связь. В углу сидел пленный немец, перед которым, пытаясь допросить его, отчаянно жестикулировал руками корреспондент дивизионной газеты Зайцев, или как мы его звали, Зайчик.

Фашист, не понимая, что говорит Зайцев, молчал.

— Где старшина Клюев? — спросил у меня майор Уваров.— Приведите его, пусть поговорит с немцем. А то он не желает с Зайцевым разговаривать.

Я послал своего ординарца за старшиной. Вскоре пришел старший лейтенант Серегин, за ним втиснул в узкую дверь свою громадную фигуру Клюев.

— Семен Тихонович! — сказал Уваров. — Надо допросить фрица. Будь добр, сделай.

Немец, глянув на Клюева, побледнел и вытаращил от страха глаза. Усики, подстриженные «под фюрера», зедергались.

— Вот же гады, — не удержался Клюев, глядя на немца, — все под своего фюрера подделываются. — Неужели не поняли, что сейчас не сорок первый, а сорок третий.

— Ладно, старшина. Давай допрашивай, из какой он части, и все остальное, сам знаешь — что.

Глянув на фашиста ненавидящим взглядом, Клюев начал его допрашивать. Тот, сначала медленно, а потом все внятней, стал говорить. Он ползал перед Клюевым на коленях, распластывался на полу, было противно на него смотреть: до чего омерзителен человек в страхе.

Немец замолчал. Клюев задал ему еще несколько вопросов и стал переводить разговор нам.

Фашист сообщил, что против нас стоит румынская бригада, командный состав которой был укомплектован немцами из СС, потому что многие румынские офицеры были разжалованы в рядовые или переведены в другие части. Ей приказано удерживать подступы к Харькову. Рассказал он еще кое-что, что интересовало нас.

Зазвонил телефон. Связной сказал, что комполка вызывает комдив. Все умолкли. Поговорив по телефону, Уваров приказал доставить пленного в штаб дивизии, а нам сообщил: командир дивизии разрешил провести задуманную нами операцию.

Все знали, что предстоит рейд в тыл противника. Командовать подразделениями было поручено мне. Но командир полка счел нужным еще раз повторить задачу.

— Вам, Серегин, подготовить человек 30 автоматчиков, — сказал Уваров. — А вам, Колесников, две 45-миллиметровые пушки. Всем бойцам дать по две фляжки воды. Запастись продуктами, и в основном — больше снарядов и патронов. Товарищи командиры! Я хотел бы напомнить, что от выполнения задачи, которая поставлена перед вами, зависят, возможно, тысячи жизней наших бойцов. Подберите коммунистов и комсомольцев, одним словом, самых надежных.

За своих людей я был уверен: во всех расчетах были комсомольцы, правда, осталось по четыре человека, но я знал, что они меня не подведут.

— Какой взвод думаешь брать? — спросил Уваров.

— Младшего лейтенанта Кожушкина, — ответил я.

— Это тот, которому ты на Северном Донце «профилактику» делал?

— Он самый. Правда, сегодня во время контратаки его зацепило, но остался в строю. Танк сегодня подбил.

— Ну, хорошо. Дайте указания старшинам, чтобы к часу ночи все было готово.

Выйдя на улицу с Клюевым и Колей, я попросил их, если увидят медсестру Веру, чтобы ничего не говорили ей о рейде.

— А она приходила, когда вы спали, — сказал Коля, — Попросила, чтобы я присматривал за вами. Сама сказала, что пойдет в минометную батарею, там надо сменить раненым повязки...

К часу ночи все было готово. Мы снова собрались в штабе батальона.

(Продолжение следует.

Й Д

беды

гда о о зи- ав- да, ск. — да- ак? ищ ва- вое ор, ла, ай- ай- з и ак- мо та- ы с ой- как ми ел ор- мы ай- ор бе- к

другому, выпрашивая диск с патронами.

НАЧАЛО

На месте сосредоточения все было готово. У бойцов, выстроившихся в походную колонну, не было ничего лишнего, только личное оружие, по паре гранат, и по две фляжки с водой. Остальные боеприпасы были приторочены к артиллерийским передкам.

Вскоре подошел и Уваров.

— Товарищи! — обратился он к бойцам. — Об ответственности задания говорить не буду, вам о нем сказал комиссар полка. Прошу вас — надо выстоять. Нет ничего дороже нашей Родины и выше чести, чем защищать ее.

Линию фронта мы перешли без шума, на стыке двух немецких частей, где она была нестабильной. Уже когда мы прошли полпути, перед небольшим мостиком через ручей возникло замешательство. Мы с Серегиным подошли к мосту и увидели, что на нем стоит большая лошадь, запряженная в походную кухню. Ее окружали бойцы, а в середине их старшина Клюев держал за шиворот одного фашиста, другой сидел около колеса телеги.

— Что будем делать с фрицами? — спросил Серегин.

— Сейчас я это дело поручу Клюеву, — сказал я. —Старшина, заткни им кляпами рты, свяжи покрепче и привяжи к телеге. Лошадь распряги и тоже привяжи.

Сделав это и определив по карте, что до места, где мы должны занять позицию, километра три, мы ускорили шаг. В траншеях второй линии обороны немцев мы оставили четырех бойцов и пулеметчика. Обогнув нужную нам высоту, заняли на ее западной стороне оборону и стали окапываться.

На поле, которое было рядом, стояли составленные в суслонах снопы пшеницы. Многие бойцы начали копать в этих суслонах окопы. Хотя маскировка была хорошей, для многих она оказалась роковой. Орудия я поставил на флангах. К четырем часам мы окопались и стали ждать утра.

(Окончание следует).

ючитав это, я как воскрес: значит, не мы здесь, на этом ке земли, не щади- ебя!

Здоровье мое шло на вку — молодость свое. Да только ли дость! Внимание то- цей, которые часто одили ко мне в сан- доброе сердце и руки — вот что было ым, что помогло мне ь на ноги. Через не- я уже стал слышать ворить. А через де- дней я вернулся в и снова приступил бязанностям команди- тареи.

о же стало с моими ями, с бойцами, что в тот рейд? Как я узнал, в живых нас ось всего десять че- . Всех, кроме меня, вили в тыловой гос- ь, вместе с ними эвакуированы стар- лейтенант Серегин и дир взвода Кожуш- В бою погиб ком- батальона, коррес- нта Колю Зайцева обгоревшим и мер- . Моего ординарца Снегирева не нашли е: его разорвало м попаданием сна- Нами было сожжено бито три немецких , четыре самоходки. , уничтожено до ро- ашистов.

аншеи, я стал ощупы- ть свою кем-то перевя- нную голову, в ней по- оянно шумело, словно есто мозгов там гулял тер. Сознание снова окинуло меня.

Харьков. [illegible] суточный отдых. На го- лове у тебя небольшая рана. Командир полка не разрешил тебя эвакуи- ровать в тыл, да и мы все настояли».

давая почесть пав- шим и храня о них свет- лую память, мы шли с боями на запад, к Победе, до которой оставалось почти два года.

Впереди был Днепр.